

Д. В. БУБРИХ

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО, ФИНСКОГО
И КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа имеет практическую направленность. Она предназначена главным образом для преподавателей русского и финского языков в школах с финским или карельским составом учащихся.

Из карельских наречий в работе учитываются в основном два: собственно-карельское (в средней и северной Карелии, начиная с сел Койкар и Линдозера на среднем течении р. Суны, а также в Калининских краях) и ливвиковское (у Ладожского озера и во внутренних частях Олонецкого перешейка, кончая Пряжей, Сямозером, Вохтозером и его окрестностями). Третье из карельских наречий, людиковское (восточнее ливвиковского, узкой полосой от Михайловского с/с через Кашканы, селения около Пряжи, Виданы, Спасскую губу до Тивдии и окрестностей), мы учитываем только в тех чертах, которые резко отделяют его от ливвиковского наречия, к которому оно во многом близко.

Небольшой объем данной работы не позволяет входить в подробности. Сходства и различия между русским, финским и карельским языками берутся только главнейшие. Имеется в виду дать общее понимание особенностей этих языков сравнительно друг с другом.

Работа дает материал для методистов, но методические проблемы не разрешает, так как автор не является методистом.

¹ От редакции. Публикуемая ниже работа покойного члена-корреспондента Академии наук СССР профессора Д. В. Бубриха была задумана как практическое пособие для преподавателей школ с карельским, финским и русским контингентом учащихся. В связи с преждевременной кончиной автора (30.XI.1949 г.) работа осталась незавершенной и обрывается на разделе „Фонетика“. Д. В. Бубрих намеревался написать также морфологию и синтаксис, о чем в рукописи имеется его запись: „Следуют главы, посвященные морфологии и синтаксису. 24.VI.49 г.“ Но такие главы, к сожалению, написаны не были.

Публикуя данную статью, редакция настоящего издания „Трудов“ сохранила ее в том виде, в каком она была представлена в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР. В двух-трех местах редакция сочла нужным исправить или дополнить авторский текст, как недосмотр автора при сверке рукописи. Дополнения оговорены в примечаниях (сносках), а явные пропуски или недосмотры автора исправлены без оговорок.

Буквенные знаки, принятые в настоящей работе

Русские и финские слова даются в книге чаще всего в литературном написании. Но в главах, посвященных фонетике, приходится прибегать и к упрощенной фонематической транскрипции. Из знаков объяснения требуют только значок' (обозначающий мягкость) и буква *N* (обозначающая заднеязычный носовой согласный: финск. *laNka* „нить“, множ.ч. *laNNat* „нити“ — в литературном написании *lanka, langat*). Что касается карельских написаний, то они даются сплошь в упрощенной фонематической транскрипции.

Для русского языка используется русский алфавит, а для финского и карельского латинский. В карельские написания, за недостатком нужных латинских букв, вносятся некоторые русские — *ж* *з*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*. Буква *ч* снабжается соответственно произношению значком мягкости — *ч'*. Буквосочетание *дж'* в карельских написаниях обозначает звонкий согласный, соответствующий глухому *ч'*.

Для читателей, мало знакомых с финским языком, целесообразно дать представление о соотношении между финскими буквами и финскими звучаниями.

Литературное финское письмо пользуется латинским алфавитом с добавлением букв: *ä* и *õ*.

Буква *ä* обозначает гласный, который получается, если русское *э* произнести, раскрыв рот так же, как при произнесении *а*. Этот гласный сходен с англ. *a* в *man*. Финский пример: *väri* „цвет“.

Буква *õ* обозначает гласный, который получается, если русское *э* произнести, округлив губы так, как при произнесении *о*. Этот гласный сходен с немецк. *ö* в *Löffel* или, с франц. *eu* в *beurre*. Финский пример: *mõkki* „хижина“.

Трудность для русских представляет также произнесение буквы *у*. Эта буква обозначает гласный, который получается, если произнести русск. *и*, округлив губы, как при произнесении русск. *у*. Этот гласный сходен с немецк. *ü* в *Brücke* или с франц. *u* в *sukre*. Финский пример: *kylä* „село, деревня“.

Двойные буквы — обозначители гласных — обозначают так называемые долгие гласные, гласные двойной длительности. Финские примеры: *saari* „остров“, *koossa* „вместе“, *tuu'i* „ветер“, (сравни *tuli* „огонь“), *ääni* „голос“, *kööri* (уст.) „хор“, *kuunel* „слеза“, *teemme* „делаем“, *liima* „клей“.

Сочетания букв-обозначителей гласных с последующим *i* произносятся за один слог (так что *i* звучит как русск. *й*). Финские примеры: *ai'a* „забор“, *koira* „собака“, *kui'a* „сухой“, *äi'i* „мать“, *söimme* „мы ели“, *myimme* „мы продали“, *leipä* „хлеб“. Следует заметить, что *ai*, *äi* и *ei* строго различаются в произношении.

Сочетания букв-обозначителей гласных с последующими *u* и *y* произносятся также за один слог (так что *u* звучит как немецк. *u* в *grau* или англ. *u* в *brown*). Финские примеры: *taulu* „классная доска“, *koulu* „школа“, *neu'a* „игла“, *kiuru* „жаворонок“, *käydä* „идти, ходить“, *pöytä* „стол“. Следует заметить, что *eu* и *ou* строго различаются в произношении.

Указанное произношение сочетаний букв-обозначителей гласных *и* или *у* относится лишь к первому слогу. В других слогах эти сочетания произносятся за два слога. Финский пример: *vapaus* „свобода“.

За один слог произносятся также сочетания *uo*, *yö* и *ie*. Финские примеры: *nuotta* „невод“, *työ* „работа“, *sieni* „гриб“.

Указанное произношение сочетаний *uo*, *uõ* и *ie* относится только к первому слогу. В других слогах эти сочетания произносятся за два слога. Финский пример: *lapsien* „детей“.

Из сочетаний букв-обозначителей согласных особых указаний требуют *nk* и *ng*.

В сочетании *nk* первый согласный (*n*) по месту образования приспосабливается ко второму. Такое произношение свойственно также немецк. *nk* в *denken* или англ. *nk* в *think*. Финский пример: *lanka* „нить“.

В сочетании *ng* первый согласный (*n*) по месту образования приспосабливается ко второму, а второй после этого в полной мере уподобляется первому, так что получается двойной носовой согласный, образованный в том же месте, что *g*. Такое произношение свойственно также немецк. *ng* в *Ding* или англ. *ng* в *thing*. Финский пример: *rengas* „кольцо“.

h произносится всегда. Финские примеры: *haapa* „осина“, *paha* „дурной“, *tähti* „звезда“.

s всегда произносится как русск. *с*¹. Финские примеры: *sana* „слово“, *lasi* „стекло, стакан“, *kansi* „крышка“.

j произносится подобно немецк. *j* (вроде русск. *я*). Финские примеры: *jalka* „нога“, *raja* „граница“, *Karjala* „Карелия“.

Глава I

ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РУССКИМ, ФИНСКИМ И КАРЕЛЬСКИМ НАРОДАМИ И ЯЗЫКАМИ

В конце I тысячелетия н. э. прибалтийско-финские племена были расселены несколько иначе, чем современные прибалтийско-финские народности.

Относительно западные прибалтийско-финские племена обитали у Рижского залива, на территории современной Эстонии и на территории современной западной Финляндии. На последней из указанных территорий обитало два племени: Сумь (*Suomi*) у слияния вод Финского и Ботнического заливов, Емь или Ямь (*Yhte*) недалеко от Суми внутри страны, у ближайшей группы крупных озер с выходами как на Финский залив, так и на Ботнический.

Относительно восточные прибалтийско-финские племена обитали восточнее р. Наровы. Они тянулись до Волхова и за Волхов. За Волховом существовала Весь (*Versä*).

Восточные славяне называли все прибалтийско-финские племена, вошедшие с IX века в состав Русского государства (в новгородской его части), общим названием Чудь. Сюда они относили из относительно западных прибалтийско-финских племен племена современной Эстонии (по крайней мере в восточной ее части), а из относительно восточных как племена между Наровой и Волховом, так и Весь² за Волховом.

¹ С некоторой шепелявостью.

² В IX веке Весь играла очень большую роль. Поэтому летописи, повествуя о событиях IX в., выделяют Весь из общей массы Чуди под специальным названием Весь. Повествуя о более поздних событиях, летописи названием Весь уже не пользуются.

Возникновение Русского государства сыграло в истории прибалтийско-финских племен громадную роль. Особенно это касается относительно восточных племен.

Уже в IX в. Весь за Волховом выступила в роли проводника начал русской государственности на север и северо-восток. В эту и ближайшие последующие эпохи Весь расселилась довольно широко. Она расселилась в углу между Волховом и Свирью по рекам Паше, Сяси и Ояти, севернее Свири у рек Олонки и Видлицы, у Онежского озера, у Белого озера, проникая в своих поездках даже в За-волочье. На поселения Веси у рек Олонки и Видлицы, в пределах современной южной Карелии, нам следует обратить особое внимание. Эти поселения Веси засвидетельствованы археологически.

Начиная с IX в. в системе Русского государства стало формироваться новое важное племя. В те времена между Ладожским озером и Финским заливом был, кроме Невы, и другой еще не пересохший путь: Ладожское озеро — р. Вуокса — мелкие речки и озера — Выборгский залив. Этот водный путь играл, несомненно, далеко не последнюю роль. Постепенно у русского (т. е. ладожского) конца этого водного пути стало собираться население из различных „чудских“ групп: из групп непосредственно к востоку от р. Наровы и Чудского озера, из групп, обитавших ближе к Волхову, наконец, из групп за Волховом, т. е. из весских групп. Постепенно это население сливалось воедино, понемногу оно расширяло территорию своих поселений. В XI в. появилась вышедшая из него группа у северного побережья оз. Сайма. Вероятно, в то же время появилась вышедшая из него группа у Выборгского залива. На грани XI и XII вв. появилась вышедшая из него группа у устья Невы, так называемая И ж о р а. Постепенно усиливалось движение данного населения по удобному водному пути (с некоторыми волоками): Ладожское озеро — оз. Пюхьяярви (немного севернее его) — озерные притоки, озера и реки вплоть до большого озера Пиелисьярви — реки севернее последнего озера — р. Оулуйоки — Ботнический залив (в северной его части). От озера Пиелисьярви данный путь имел восточное ответвление: р. Лиекса — озера Ребольской группы — р. Чирка-Кемь — р. Кемь — Белое море. Восточное ответвление данного водного пути (к Белому морю) стало энергично эксплуатироваться только позднее. Главную роль долго играл путь к северной части Ботнического залива, у берегов которого и стало понемногу собираться описываемое население. В середине XII в. это население, рассеявшееся по весьма обширной территории, выступило как важная военная величина, как стойкий и энергичный борец против натиска с Запада. С этого времени в наших летописях появляется название Корела (в среде самого описываемого населения название *Karjala* укреплялось, конечно, и раньше). Территория Корелы в середине XII в. охватывала Карельский перешеек, современную восточную Финляндию (от р. Кюмийоки) и современную северную Финляндию (от р. Пюхяйоки или, может быть, даже от какой-нибудь более южной реки).

В XII в. Корела боролась с натиском с Запада чрезвычайно успешно. Однажды ей удалось даже проникнуть в самое сердце Швеции и разрушить важнейший шведский город Сигтуну (вблизи которого шведы после этого построили Стокгольм).

В XIII в. на Кореле отразилось постигшее Русь громадное несчастье — монголо-татарское нашествие. Сопротивление Корелы натиску с запада несколько ослабело. В связи с этим отдельные группы Корелы стали выселяться на русские земли. Разбрасывание

Корелы шло очень далеко. В середине XIII в. одна ее группа засвидетельствована даже у Кубенского озера. Можно думать, что уже в XIII в. все усиливавшиеся группы Корелы появились в современной средней и северной Карелии и у разных берегов Белого моря. Впрочем, первые определенные свидетельства о Кореле в этих местах относятся только к началу XV в. Можно также думать, что струйки Корелы уже с XIII в. стали проникать в южную Карелию, на реки Видлицу и Олонку, в среду раньше поселившейся там Веси. Однако определенных свидетельств на этот счет нет.

В XIV в. борьба между Русью (включая Корелу) и Швецией закончилась на время Ореховецким миром (1323). Швеция, пользуясь затруднениями Руси (монголо-татарским нашествием), постепенно укрепилась в западной Финляндии и простирала свои притязания на земли Корелы. Указанный мир положил конец этим притязаниям, хотя и не без ущерба для Руси и для Корелы. Граница по указанному миру начиналась у р. Сестры, шла в глубь Карельского перешейка и там круто поворачивала на северо-запад, оставляя в пределах Руси все побережье Ладожского озера, земли севернее и Северную Приботнию. Две группы Корелы попали под ярмо Швеции: привыборгская и присайминская.

Ореховецкий мир сыграл важнейшую роль. На запад от границы стал формироваться финский народ, а на восток от нее — карельский. В состав финского народа вошли Сумь, Емь и две группы Корелы (привыборгская и присайминская), которым огнем и мечом были навязаны католицизм, шведские порядки и т. д. В состав карельского народа вошли основные группы Корелы и важные группы Веси, расселившиеся в современной южной Карелии. Территориально оторванная приневская группа Корелы, Ижора, развивалась в отдельную маленькую ижорскую народность. Территориально оторванные группы Веси у Онежского озера (севернее истока р. Свири) и южнее Свири развились в отдельную маленькую вепскую народность. Из компонентов карельского народа, поскольку он распространился в современной Карелии, значительно преобладала Весь. К Веси восходят современные южные карелы — ливвики (у Ладожского озера и в глубине Олонецкого перешейка) и людикки (узкой полосой по восточному краю ливвиков), составляющие ныне вместе 60—70% карельского населения Карельской АССР. К Кореле восходят современные средние и северные карелы — собственно-карелы, составляющие 30—40% карельского населения Карельской АССР. Конечно, в состав южных карел вошло некоторое количество Корелы, а в состав по крайней мере средних карел некоторое количество Веси, но этот взаимный обмен не меняет соотношения.

Процессы формирования финского и карельского народов определились достаточно ярко уже к XVII в. В направлении сплочения финского народа действовал ряд внутренних факторов, среди которых не последнюю роль играло становление письменного финского языка (с середины XVI в.). В направлении сплочения карельского народа действовал также ряд внутренних факторов. Громадное значение получило сложение в Заонежье и прилегающих местах сильной металлургической промышленности. Эта промышленность крепко связала карел южной Карелии и карел более северных мест. Связь эта возникла при непосредственном участии русского народа, так как Заонежье было заселено русскими. К указанному мощному фактору сплочения карельского народа прибавился и другой, не менее мощный. В XVII в. карельский народ принял участие в борьбе со шведской

интервенцией и в этой борьбе скрепил как свое единство, так и связь с русским народом.

XVII в. принес с собою большое испытание для карельского народа. По Столбовскому миру (1617) Швеция завладела всеми старыми землями Корелы, Карельским перешейком и всеми территориями к северу от него. Корела, оказавшаяся на захваченной шведами территории, не могла примириться со шведским игом. И вот, на протяжении первой половины XVII в. произошел знаменитый массовый „исход“ карел со шведских земель на русские. Большинство переселенцев направилось на юго-восток, в новгородские, тверские и др. края, в связи с чем выросла так называемая „тверская“, или калининская группа карел. Часть переселенцев направилась в современную Карелию. На оставленных карелами землях расселились финны.

С XVIII в. отношения между финским и карельским народами сложились своеобразно. С эпохи Петра I шведская граница стала стремительно передвигаться на запад, а в начале XIX в. (1809) Швеция была окончательно изгнана за море. Финляндия оказалась в составе Русского государства. Средостение между финнами и карелами исчезло. И вот тут-то и обнаружилось, что национальные начала на востоке были представлены гораздо ярче и полнее, чем на западе, где действовала Швеция. Характерно, что литературный финский язык, сложившийся первоначально в основном на западнофинляндской диалектной базе, стал постепенно передвигать эту базу в восточном направлении. Такие прогрессивные финские деятели, как Э. Лённрот, ориентировали литературный финский язык на восток совершенно сознательно. Диалектной базой литературного финского языка в конце концов оказались диалекты восточной Финляндии, по происхождению диалекты привыборгской и присайминской Корелы, хотя сохранились и некоторые западнофинляндские явления, например, чередование *t* с *d*. Громадное влияние „Калевалы“ и вообще карело-финской поэзии тоже со своей стороны содействовало „овосточнению“ литературного финского языка.

В отношении расселения финнов и карел XVIII и XIX века не внесли существенных перемен. Отметить можно только то, что небольшие группы карел-ливвиков и собственно-карел продвинулись в западном направлении на незаселенные земли, не доходя до меридиана г. Сортавала.

Глава II

ФОНЕТИКА

В письме употребляются буквы, а в произношении звуки, и одни другим не всегда соответствуют, особенно если письмо является старым. В том, что буквы не всегда соответствуют звукам, нетрудно убедиться, взяв хотя бы русские слова *нога* (произн. *нагá*), *соха* (произн. *сахá*), *лоб* (произн. *лоп*), *ход* (произн. *хот*), *кого* (произн. *кавó*), *того* (произн. *тавó*).

Состав букв прост, а состав звуков сложен, так как приходится иметь дело и с основными различиями между звуками, и со второстепенными различиями между ними.

Основные различия между звуками — это различия, связанные с различением слов или форм по значению. В план основных различий между звуками укладывается, например, различие между русскими *а*

и *о* (*Таня* и *Тоня*, *платный* и *плотный* и т. п.) или между русскими *о* и *у* (*стол* и *стул*, *грозный* и *грузный* и т. п.) или между русскими *б* и *п* (*балка* и *палка*, *забор* и *запор* и т. п.) или между русскими *г* и *к* (*гости* и *кости*, *загон* и *закон* и т. п.).

Что касается второстепенных различий между звуками, то эти различия не связываются с различием слов или форм по значению. Можно, например, заметить, что в русском языке есть два разных *э*: одно закрытое, узкое, как в *эти*, а другое открытое, широкое, как в *эта*. Употребление этих двух *э* зависит только от того, следует ли за *э* мягкий согласный, как в *эти*, или не следует, как в *эта*. Значение слов или форм тут не при чем. Различение слов или форм по значению достигается на основе различия других звуков в тех же словах или формах, в приведенном примере — звука *и* (с предшествующей мягкостью согласного) в *эти* и звука *а* (с предшествующей твердостью согласного) в *эта*.

Поскольку имеются в виду только основные различия между звуками, т. е. различия, связанные с различием слов или форм по значению, говорят о фонемах. Различными русскими фонемами являются, например, *а* и *о*, *о* и *у*, *б* и *п*, *г* и *к*.

Поскольку же имеются в виду второстепенные различия между звуками, говорят об оттенках фонем. Различными русскими оттенками одной и той же русской фонемы являются, например, два разных *э*, в случаях вроде *эта* и *эти*.

Фонемы — это весьма важные фонетические единицы в языке. В каждом языке своя система фонем.

Система фонем отрабатывается в каждом языке в ходе развития этого языка исторически.

Так как история творится обществом, то, очевидно, система фонем отрабатывается в общественном порядке. Система фонем в целом в любом языке представляет собою общественно, социально отработанную систему звучаний, а каждая фонема в отдельности — общественно, социально отработанное звучание.

Общественная, социальная основа в любой системе фонем и в любой отдельной фонеме установлена в советской науке о языке.

* * *

Система фонем русского языка существенно отличается от системы букв русского письма. В ходе развития русского языка и русского письма особенно значительное расхождение между фонемами и буквами получилось по линиям, во-первых, обозначения мягкости согласных и, во-вторых, обозначения звука *й*. Если взять, например, слово *няня* и понаблюдать его произношение, то оказывается, что первым звуком является мягкое *н*, т. е. *н'*, вторым (что явно слышится, если протянуть первый слог) звук *а*, третьим опять мягкое *н*, т. е. *н'*, четвертым опять *а*. В целом слово *няня* произносится как *н'ан'а*. Если взять слово *ясно* и понаблюдать его произношение, то оказывается, что первым звуком является *й*, вторым (что ясно, если протянуть первый слог) звук *а*, третьим *с*, четвертым *н*, пятым *а* (хотя пишется *о*). В целом слово *ясно* произносится как *йасна*. Если взять слово *объят* и понаблюдать его произношение, то окажется, что первым звуком является *а* (хотя пишется *о*), вторым *б*, третьим *й*, четвертым *а*, пятым *т*. В целом слово *объят* произносится как *абйят*. Если взять слово *бадьа* и понаблюдать его произношение, то окажется, что первым звуком является *б*, вторым *а*,

третьим мягкое *д*, т. е. *д'*, четвертым *й*, пятым *а*. В целом слово *бадьа* произносится как *бад'йа*. В конце концов оказывается, что в русском письме есть буква *я*, но в русском произношении нет никакого звука *я*. Там, где пишется буква *я*, произносится одно из двух: если предшествует буква-обозначение согласного — звук *а* с предшествующим мягким согласным (*няня* — *н'ан'а*), а в других случаях — сочетание *йа* (*ясно* — *йасна*, *объят* — *абйят*, *бадьа* — *бад'йа*). Аналогично дело обстоит с буквами *ё* и *ю* (с одной стороны, *мёл* — *м'ол*, а с другой стороны *ёлка* — *йолка*, *объём*, — *абйом*, *гольё* — *гал'йё*; с одной стороны, *блюдо* — *бл'уда*, а с другой стороны, *юн* — *йун*, *завью* — *зав'йу*). Своеобразно произношение буквы *е* (с одной стороны, *небо* — *н'эба*, а с другой стороны, *ель* — *йэл'*, *свел* — *сйэл*, *пьеса* — *п'йэса*). Особо дело обстоит с буквами *и* и *ы*. Буква *и* обозначает в начале слога и слова звук *и* (*играть* — *игра́т'*), после буквы-обозначения согласного — звук *и* с предшествующим мягким согласным (*нива* — *н'ива*), а в иных случаях сочетание *йи* (*бадьи* — *бад'йи*). Буква *ы* употребляется только после букв-обозначений согласных и обозначает звук, похожий на *и*, с предшествующим твердым согласным (*сыграть* — *сыгра́т'*). В сущности говоря, буквы *и* и *ы* захватывают одну и ту же сферу звучания. Можно бы, как будто сказать, что за ними скрывается два оттенка одной и той же фонемы, один обычный, а другой после твердых согласных. Однако есть нечто, что мешает остановиться на этой мысли. Русские могут различать *и* и *ы* в изолированном произношении и этому очень содействует школа, которая учит говорить о „букве *и*“ и „букве *ы*“. Для русских оказывается совсем нетрудно употреблять *ы* не только после твердых согласных, но и в начале слога и слова. Так, русские без всякого усилия читают на географической карте *ыб* (коми) или *Ы-чжоу* (китайск.). Учитывая все это, надо сказать, что за буквами *и* и *ы* скрывается две разные фонемы, но эти две фонемы обычно восполняют одна другую в употреблении, составляют теснейшим образом связанную пару.

После этих указаний мы можем обратиться к рассмотрению русской системы фонем.

Гласные фонемы в русском языке следующие: *а, о, у, э, и (ы)*.

Эти гласные употребляются и в начале слога или слова, и после твердого согласного, и после мягких согласных, равно, как после *й*. Примеры: *арка* — *арка*, *сало* — *сала*, *мясо* — *м'аса*, *ясно* — *йасна*, *объят* — *абйят*, *бадьа* — *бад'йа*, *оба* — *оба*, *горы* — *гбры*, *мёл* — *м'ол*, *ёлка* — *йолка*, *объём* — *абйом*, *гольё* — *гал'йё*; *узко* — *ўска*, *куры* — *кúры*, *блюдо* — *бл'уда*, *юн* — *йун*, *завью* — *зав'йу*; *эра* — *э́ра*, *небо* — *н'эба*, *ель* — *йэл'*, *свел* — *сйэл*, *пьеса* — *п'йэса*; *играть* — *игра́т'*, *нива* — *н'ива*, *бадьи* — *бад'йи* и рядом *сыграть* — *сыгра́т'*.

Для правильного понимания звучаний, скрывающихся за буквами-обозначениями гласных, надо дополнительно указать, что *ж, щ и ц* в русском языке произносятся всегда твердо (*жёлт* — *жолт*, *шёлк* — *шолк*, *жест* — *жэст*, *шест* — *шэст*, *цеп* — *цэп*, *жир* — *жыр*, *шил* — *шыл*, *цифра* — *цýфра*, *ложь* — *лош*, *мышь* — *мыш*), а *ч* всегда мягко (*час* — *ч'ас*, *чёрт* — *ч'орт*, *чёлн* — *ч'олн*, *чудо* — *ч'удо*, *честно* — *ч'эсна*, *чисто* — *ч'йста*, *меч* — *м'эч*).

Из оттенков указанных гласных важно указать на два оттенка *э*. Обычно встречается открытый, широкий оттенок (этот оттенок выступает, например, в *эта* — *э́та*, *жгст* — *жэст*, *шест* — *шэст*, *цеп* — *цэп*, *лес* — *л'эс*, *на дворе* — *на двар'э*). Но перед мягко произносимыми согласными выступает закрытый, узкий оттенок (этот

оттенок выступает, например, в *эти* — *эт'и*, *жесть* — *жэс'т'*, *шесть* — *шэс'т'*, *цепь* — *цэп'*, *лень* — *л'эн'*).

Громадное значение в русском языке имеет особая постановка гласных в неударяемом положении. В одном случае дело обстоит в предударных слогах, в другом — в послеударных слогах, исключая конец слова, и в третьем — в неударяемом конце слова. Общей особенностью всех неударяемых слогов является то, что в них не произносится *о* (хотя бы оно и писалось).

В предударных слогах на месте письменных *а* и *о* произносится одинаково несколько ослабленное *а* (*барабан* — *бараба́н*, *борода* — *барада́*).¹ Кроме того, в предударных слогах на месте письменных *я*, *е*, *и* произносится одинаково несколько ослабленное *и* (*тянуть* — *т'инут'*, *несу* — *н'ису́*, *пила* — *п'илá*).² После твердых согласных вместо *и*, естественно, оказывается *ы* (*жена* — *жына́*, *жива* — *жывá*).

В последующих слогах, исключая конец слова, на месте письменных *а* и *о* произносится одинаково чрезвычайно ослабленный гласный, который удобно обозначать через *ы* (*выдал* — *выд^ыл*, *топот* — *топ^ыт*). Кроме того, в этих слогах, за указанным изъятием, на месте письменных *я*, *е*, *и* произносится одинаково чрезвычайно ослабленное *и*, которое следует обозначать через *и* (*месяц* — *м'эс'иц*, *трепет* — *тр'эп'ит*, *вылил* — *выл'ил*).³ После твердых согласных вместо *и*, естественно, оказывается *ы* (*может* — *мож^ыт*, *множит* — *множ^ыт*).

В неударяемом конце слова на месте письменных *а* и *о* произносится несколько ослабленное *а* (*лапа* — *лапá*, *дело* — *д'эла*) и сходным образом на место письменного *я* — несколько ослабленное *а* с предшествующим мягким согласным (*доля* — *дбл'а*). На месте письменного *е* в именительном и винительном падежах ед. ч. слов среднего рода произносится *а* или *э* (*поле* — *пбл'а* или *пбл'э*, *ложе* — *лбжа* или *лбжэ*).

Аналогично дело обстоит в образованиях сравнительной степени на *-ее* (*скорее* — *скар'эйа* или *скар'эйэ*). Вообще же на месте письменного *е*, как и на месте письменного *и*, произносится *и* (*ы*) (*босые* — *басыи*, *гуси* — *гус'и*). После твердого согласного вместо *и*, естественно, оказывается *ы* (*ближе* — *бл'йжы*, *кожи* — *кбжы*).

Следует указать на два явления, которые идут вразрез с орфографией.

1. В 3 л. множ. ч. наст. и будущ. вр. глаголов на месте неударяемых письменных *-ат*, *-ят* произносится *-ут* (*множат* — *множ^ыт*, *ходят* — *хбд'ут*).

2. В именительном падеже ед. ч. прилагательных мужского рода окончание после *г*, *к*, *х* произносится (в образцовом произношении)

¹ Раньше различались несколько ослабленное *а* в слоге, непосредственно предшествующем ударяемому, и чрезвычайно ослабленный гласный, напоминающий *ы* в предударных слогах, отдаленных от ударяемого. Но в настоящее время этого различия нет.

² Раньше дело обстояло сложнее. На месте письменных *я*, *е* различались несколько особенное *э* ('э) в слоге, непосредственно предшествующем ударяемому, и чрезвычайно ослабленный гласный, напоминающий *и*, в предударных слогах, отдаленных от ударяемого. На месте письменного *и* в предударных слогах употреблялось мало ослабленное *и*. В настоящее время у многих еще сохраняется несколько ослабленное *э* ('э) на месте письменных *я*, *е* в слоге, непосредственно предшествующем ударяемому. Однако это явление быстро исчезает.

³ Раньше различались чрезвычайно ослабленное *и*, т. е. *и* на месте письменных *я*, *е*, и мало ослабленное *и* на месте письменного *и*. Но в настоящее время этого различия нет.

так, как если бы писалось *-ой* (*пегий* — *п'эг^вй*, *великий* — *в'эл'йк^вй*, *ветхий* — *в'этх^вй*).

Согласные фонемы в русском языке следующие:

твердые — *г, к, х; д, т, з, с, ц, ж, ш, н, л, р; б, п, в, ф, м,*

мягкие — (*г', к' (х'); й; д', т', з', с', ч', н', л', р'; б', п', в', ф', м'.*

ж, ш и *ц* произносятся только твердо, а *ч'* — только мягко; *й* играет роль мягкой фонемы.

Буква *щ* произносится как звуко сочетание *шч'*¹.

Своеобразно, трудно для нерусских, произносится твердое *л*: оно является "толстым" (вероятным) твердым *л*.

Из мягких заднеязычных утвердилось как фонема только *к'* (*ткёшь* — *тк'ош*, *ткёт* — *тк'от* и т. д.). Что касается *г'* (*дуги* — *д'уг'и*), *х'* (*блхи* — *бл'х'и*), то их мягкость обусловлена воздействием последующего переднего гласного и для противопоставления слов или форм по значению не используется, следовательно, является признаком не особых фонем, а только особых оттенков фонем. Впрочем, в словах нерусского происхождения *г'* начинает вести себя как особая фонема (*гяур* — *г'аур*).

Особые указания нужны относительно того, когда *й* произносится в составе сочетания *йи*. Сочетания *йи* (или *й^и*) не произносятся после гласных. Так, *мои* произносится *май* (но не *майй*), *заяц* произносится *зайц* (но не *заййц*), *пояс* произносится *п'оис* (но не *поййс*). После согласного сочетание *йи* произносится совершенно свободно, например, *бадьи* произносится *бад'йй*. Что касается начала слова, то сочетание *йи*, хотя и встречается, но редко: во-первых, на месте письменных *я, е* (*баба-яга* — *баба-йига*, *его* — *йиво*) и, во-вторых, в косвенных формах множественного числа личного местоимения 3-го лица (*их* — *йих*, *им* — *йим*, *ими* — *ййм'и*).

Важную роль играет то обстоятельство, что на месте букв-обозначений звонких шумных согласных при определенных условиях произносятся глухие и — наоборот.

В конце слова на месте букв-обозначений звонких шумных согласных произносятся глухие (*сад* — *сат*, *грудь* — *грут'*, *лоб* — *лон*, *зыбь* — *зып'*, *газ* — *гас*, *мазь* — *мас'*, *нож* — *нош* и т. п.). Особо надо отметить, что вместо *г* встречается не *к*, а *х* (*бог* — *бох*, *порог* — *пар'ох* и т. п.). В том случае, если за буквой-обозначением звонкого шумного согласного следует буква-обозначение бесшумного согласного (*н, м, р, л*), звонкое произношение сохраняется (*жизнь* — *жыз'н'*, *призм* — *пр'изм* (род.п. множ.ч.) *бодр* — *бодр*, *рубль* — *рубл'* и т. п.).

Перед буквой-обозначением глухого шумного согласного на месте буквы-обозначения звонкого шумного согласного произносятся глухой (*лодка* — *л'отка*, *пробка* — *пр'опка*, *низший* — *н'йш^вй*, *помножьте* — *памн'ошт'и*, *всё* — *фс'о* и т. п.). Особо надо отметить, что и в этом случае вместо *г* произносится *х* (*лёгкий* — *л'охк^вй*, *мягкий* — *м'ахк^вй*, *ногти* — *нохт'и*, *когти* — *кохт'и* и т. п.).

Наоборот, перед буквой-обозначением звонкого шумного согласного на месте буквы-обозначения глухого шумного согласного произносится звонкий (*отбыл* — *адб'ыл*, *сборы* — *зб'оры* и т. п.).

В некоторых случаях буква *ч* перед буквой-обозначением согласного произносится как *ш*. Один случай: *что* — *што*, *чтобы* — *шт'обы*.

¹ Раньше преобладало произношение *ш'ш'*. Но теперь такое произношение выходит из употребления.

Другой случай: *конечно* — *кан'эшна*, *нарочно* — *нарёшна*, *скучный* — *скүч'н^бй* и т. п. Следует отметить, что чаще буквосочетание *чн* произносится все-таки как *ч'н*, например, *точный* — *тёч'н^бй* (это слово в произношении не смешивается с *тошный*), *заплечный* — *запл'эч'н^бй* (это слово отнюдь не произносится как *запл'эшна^бй*) и т. п., или *встречный* — *фстр'эч'н^бй*, *вечный* — *в'эч'н^бй*, *прочный* — *прёч'н^бй*, *личный* — *л'ич'н^бй*, *тучный* — *туч'н^бй*, *порочный* — *парёч'н^бй*, *беспечный* — *б'исп'эч'н^бй*, *прозрачный* — *празрач'н^бй*, *полномочный* — *палнамёч'н^бй* и т. п.¹

Окончания *-тся* и *-ться* произносятся одинаково как — *цца*, напр. *боится* — *байцца*, *бояться* — *байяцца*.

Как на явление, идущее вразрез с орфографией, надо указать на то, что в родительном падеже ед. ч. мужского и среднего рода на месте окончаний *-ого*, *-его* произносят сочетания с *в* (*кого* — *каво*, *чего* — *ч'иво*, *сильного* — *с'йл'н^бва*, *синего* — *с'йн'и^бва* и т. п.).

Ударение в русском языке, всегда сопровождающееся некоторым удлинением гласного, крайне подвижно. В различных словах и даже в разных формах одного и того же слова оно может быть разное. Примеры одного вида: *мука* — *мүка* и *мука* — *мукä*, *замок* — *зäм^бк* и *замок* — *замёк*. Примеры другого вида: *руки* — *рүк'и* и *руки* — *рук'й*, *берега* — *б'эргä* и *берега* — *ёир'игä*.

Правил, которые опирались бы на те или иные фонетические особенности слов или фонем, нет. Вопрос об ударении в каждом отдельном случае будет решаться в связи с изменением (склонением или спряжением) слов.

* * *

Система фонем финского языка резко отличается от русской.

Гласных много. Основных гласных 8²: *a*, *o*, *u*, — *ä*³, *ö*⁴, *y*⁵, *e*, *i*. Это краткие гласные. Рядом существует 8 соответствующих долгих гласных, произносимых приблизительно вдвое длиннее: *aa*, *oo*, *uu* — *ää*, *öö*, *уу*, *ee*, *ii*. Наконец, есть еще 3 сложных гласных, начинающихся по-одному и заканчивающихся по-другому: *uo*, *yö*, *ie*. Последние употребляются только в первом слоге слова. Примеры гласных первого слога слова: *sana* „слово“, *so'a* „война“, *tuli* „огонь“, *hän'ä* „хвост“, *pöllö* „сова“, *kylä* „село, деревня“, *meri* „море“, *kivi* „камень“, *aami* „утро“ *koossa* „вместе“, *tuuli* „ветер“, *sääli* „жаль“, *kööri* „хор“, *puun'ö* „просьба“, *teemme* „делаем“, *piiri* „круг“, *suola* „соль“, *työ* „работа“, *pieni* „малый“. Примеры гласных второго слога (при ударении на первом слоге): *kana* „курица“, *talo* „лом“, *i'ku* „плач“, *kunä*, „карандаш, перо“, *ky'vö* „сев“, *käsky* „повеление“, *kas'e* „роса“, *ovi* „дверь“, *renkaat* „кольца“, *sanoo* „скажет, говорит“, *vanhuus* „старость“, *elää* „жить“, *menköön* „пусть пойдет“, *kysyy* „спросит, спрашивает“, *koneet* „машины“ (множ. ч.), *valmiit* „готовые“.

¹ Произношение *ч'н* все больше укрепляется. Не режет уха, когда говорят даже *скүч'н^бй*.

² Здесь мы переходим на латинский алфавит.

³ Чтобы русскому произнести *ä*, надо взять за основу *э* и опустить язык (вместе с нижней челюстью) до уровня *а*.

⁴ Чтобы произнести *ö*, надо взять за основу *э* и округлить губы, как при *о*.

⁵ Чтобы произнести *y*, надо взять за основу *и* (русс.) и округлить губы, как при *у* (русс.).

Положение вещей осложняется тем, что существуют еще дифтонги, оканчивающиеся на неслоговые *i*, а также *u*, *y*. Дифтонги на *u*, *y* употребляются только в первом слоге слова. Примеры дифтонгов первого слога: *aika* „время“, *koira* „собака“, *kuiwa* „сухой“, *äiti* „мать“, *söivät* „они ели“, *myivät* „они продали“, *sauna* „баня“, *koulu* „школа“, *leuka* „подбородок“, *kiuru* „жаворонок“, *täysi* „полный“, *köyhä* „бедный“. Примеры дифтонгов второго слога (только на *i*): *kultainen* „золотой“, *antoi* „он дал“, *puhuvat* „они говорили“, *eläisi* „он жил бы“, *pörröinen* „вздохмаченный“, *pölyinen* „пыльный“, *eteinen* „передняя“.

Все гласные всегда произносятся одинаково. Орфография не расходится с произношением.

Весьма своеобразной чертой системы гласных является т.н. гармония гласных. Если в каком-либо слоге имеются *a*, *o*, *u*, то в последующих возможны такие же *a*, *o*, *u*, но невозможны *ä*, *ö*, *y*. И наоборот: если в каком-либо слоге имеются *ä*, *ö*, *y*, то в последующих возможны такие же *ä*, *ö*, *y*, но невозможны *a*, *o*, *u*. Гласные *e*, *i* возможны при любых условиях (они нейтральны по отношению к гармонии гласных). Все это касается только простых слов. В сложных словах слагающие части гармонией гласных не связаны. Благодаря гармонии гласных одни и те же суффиксы и окончания могут выступать в двух разных звуковых видах, например: *talo-ssa* „в доме“, но *kylä-ssä* „в деревне“, *anta-koon* „пусть даст“, но *elä-köön* „пусть живет, да здравствует“, *anta-nut* „давший“, но *elä-nyt* „живший“.¹

Согласных в финском языке, в противоположность гласным, немного. Основных согласных 11: *h*, *k*, *j*, *t*, *s*, *n*, *l*, *r*, *p*, *v*, *m*. В середине слова встречается еще *d*, например, *kadulla* „на улице“. Особого указания требует заднеязычный носовой согласный, который не имеет отдельного обозначения и может быть условно обозначен большой буквой *N*. Этот согласный встречается перед *k*, например, *lanka* (произн. *laNka*) „нить“. (О другом случае его употребления см. ниже.) В заимствованных словах встречаются и некоторые другие согласные. Все эти согласные являются краткими. Кроме них есть и длинные, хотя и в меньшем количестве. Из долгих выделяется долгий заднеязычный, носовой согласный, который можно обозначить через *NN* (в литературе пишут *ng*), например, *laNNat* (пишут *langat*) „нити“.

s произносится несколько шепеляво.

l произносится несколько иначе, чем русское твердое *л*. Перед задними гласными (*a*, *o*, *u*), а также перед согласными, когда за ними следуют задние гласные, и в конце слова, если предшествует задний гласный, *l* произносится, впрочем, близко к русскому *л*. Это касается случаев вроде *loppi* „конец“, *ilma* „воздух“, *sammal* „мох“. В других случаях *l* близко к немецкому (или шведскому) *l*. Это касается случаев вроде *liha* „мясо“, *selkä* „спина“, *kuunel* „слеза“.

Все согласные, кроме *l*, всегда произносятся одинаково. Орфография не расходится с произношением.

Весьма своеобразной чертой согласных является т. н. чередование ступеней согласных. Согласные *k*, *t*, *p*, оказываясь перед гласным краткого закрытого слога (не-первого в слове), могут испытывать замены — переходить с сильной ступени на слабую. Случаи чередования ступеней согласных:

¹ Не соблюдается также гармония гласных в заимствованных словах типа: *byroo* „бюро“, *analyysi* „анализ“, *polynomi* „полином“, *formulääri* „формуляр“, *afääri* „афера“ и др. — *Ред.*

1. Одинокое *k* ~ *нуль*, но между двумя *u* или *y* — *v*. Например: *vako* „борозда“, множ. ч. *vaot*; *luku* „число“, множ. ч. *luvut*; *kyky* „способность“, множ. ч. *kyvyt*.

Одинокое *t* ~ *d*, например, *pata* „горшок“, множ. ч. *padat*.

Одинокое *p* ~ *v*, например, *tupa* „изба“, множ. ч. *tuvat*.

После неслоговых *i*, *u*, *y* — то же самое.

2. *hk* ~ *h*, но перед *e* — *hj*, например: *nahka* „кожа“, множ. ч. *nahat*; *puhkeaa* „пробивается, прорастает“, *puhjennut* „пробившийся, проросший“; это чередование последовательно проводится только у глаголов, у имен же оно известно только при условии, если это имя двухсложное и содержит в первом слоге краткий гласный.

ht ~ *hd*, например, *lehti* „лист“, множ. ч. *lehdet*.

3. *lk* ~ *l*, *rk* ~ *r*, но перед *e* — *l*, *r*, например: *halke* „полено“, множ. ч. *halot*; *arka* „робкий“, множ. ч. *arat*; *sylki* „слюна“, *syljellä* „слюною“; *kurki* „журавль“, множ. ч. *kurjet*.

lt ~ *ll*, *rt* ~ *rr*, например, *pelto* „поле“, множ. ч. *pellot*; *parta* „борода“, множ. ч. *parrat*.

lp ~ *lv*, *rp* ~ *rv*, например, *halpa* „дешевый“, множ. ч. *halvat*; *arpa* „жребий“, множ. ч. *arvat*.

4. *nk* ~ *ng* (произн. *NN*) например, *lanka* „нить“ множ. ч. *langat* (произн. *laNNat*).

nt ~ *nn*, например, *ranta* „берег“, множ. ч. *rannat*.

mp ~ *mm*, например, *rampa* „хромой“, множ. ч. *rammat*.

5. *kk* ~ *k*, например, *kukka* „цветок“, множ. ч. *kukat*.

tt ~ *t*, например, *katto* „крыша, потолок“, множ. ч. *katot*.

pp ~ *p*, например, *seppä* „кузнец“, множ. ч. *sepät*.

Ударение в финском языке, никогда не сопровождающееся удлинением ударяемого гласного, падает всегда на первый слог.

* * *

Система фонем в карельском языке несколько приближается к русской. В разных местностях она различна.

Гласных немало. Основных гласных, как и в финском языке, 8: *a*, *o*, *u*, *ä*, *ö*, *y*, *e*, *i*. В остальном дело обстоит в разных диалектах по-разному. В очень немногих диалектах¹ (например, в диалекте с. Видлица Олонецкого р-на) долгие и сложные согласные не отличаются от финских. Обычно на месте *aa*, *ää* наблюдаются сложные гласные *oa*, *eä*, или *ua*, *iä* (на севере — в не-первых слогах *yä*) и т. п.: *moa* „земля“, *peä* „голова“, *eleä* „жить“ или *tua*, *piä*, *eliä* (*elyä*) и т. п. В южной Карелии есть диалект, где на месте долгих *uu*, *уу*, *ii* употребляются дифтонги *u* + неслоговое *u*; *y* + неслоговое *y* (или *u*); *i* + неслоговое *i*: *puu* с дифтонгическим *uu* „дерево“, *puu* (или *пуу*) с дифтонгическим *уу* (или *уу*) „рябчик“, *pui* с дифтонгическим *ii* „зубец“. В таких диалектах не остается вообще долгих гласных: там нет также *oo*, *öö*, *ee*, как их вообще нет в карельском языке (за исключением диалекта с. Видлица и диалектов к юго-западу, западу и северо-западу от оз. Сегозеро). В последних на месте финских *aa*, *ää* выступают *oo*, *öö*.

Дифтонги поставлены по-разному. Кое-где они поставлены так же, как в финском языке. Но в большинстве диалектов мы находим те или иные особенности. В южной Карелии местами (например, в диа-

¹ Под „диалектом“ здесь и ниже, говоря о языковых особенностях отдельного населенного пункта, автор подразумевает говор. — *Ред.*

лекте г. Олонца) вместо дифтонгов на у оказываются дифтонги на и: *lōudiä* „найти“ и т. п. Пervasеменно, за исключением немногих диалектов (например, диалекта с. Видлица), дифтонги на и или у (*u*) употребляются не только в первом слоге, но и в других, например, *kaivau* с дифтонгическим *au* „роет“, *eläy (eläu)* с дифтонгическим *äy (äu)* „живет“.

Своеобразное карельское явление представляет разнообразная переработка сочетаний двух рядом стоящих слоговых гласных. Некоторые диалекты (например, диалект с. Видлица) в направлении этой переработки идут недалеко — ограничиваются тем, что перерабатывают *o + a* и т. п. в *u + a* и т. п. и *e + a* и т. п. в *i + a* и т. п.: *vajuan* „погружаюсь“, *korgiat* „высокие“ и т. п. Но большинство диалектов в направлении этой переработки идет гораздо дальше. Чрезвычайно распространенной является следующая картина:

1. *a + a, ä + ä > ua, iä* и т. п., например: *jaga* „делить“, *juan* и т. п. (вместо *jaan*) „делю“, *pada* „горшок“, *puat* и т. п. (вместо *paat*) „горшки“, *hädä* „нужда“, *hiät* (вместо *hää*) „нужды“.

o + a, ö + ä > uo, yö, например: *puniu* „вить, сучить“, *nägyö* „(нет) вида“.

u + a, y + ä > uo, yö (кое-где на юге в партитиве ед. ч. *ui, uy*), например: *puhuo* „дуть“, *koivuo (koivui)* „(нет) березы“, *kylyö (kylyu)* „(нет) бани“.

e + a, e + ä > ie, например: *lugie* „читать, считать“, *imie* „сосать“.

i + a, i + ä > ie (кое-где на юге в партитиве ед. ч. *ii*), например: *moi't't'ie* „порицать“, *kod'ie (kod'ii)* „(нет) дома“, *väl'ie (väl'ii)* „(нет) промежутка“.

2. Сочетания с *e* на втором месте в средней и северной Карелии перерабатываются так же, как сочетания с *a, ä* на втором месте, но в южной Карелии в одних местах остаются вне переработки, а в других перерабатываются в дифтонги на *i*. Только сочетания *ie, ye* фонетически стоят особо, например: *puuhuot* „деревца“ (мн. ч.), *lyhyöt* „короткие“.

В людиковских диалектах переработки сочетаний гласных нет потому, что сочетания гласных не встречаются: гласные всегда разделены каким-нибудь согласным, чаще всего согласным *g* (*kas'egel* „росою“ и т. п.) или согласным *d* (*korgedat* „высокие“, *tagadan* „лежу“ и т. п.).

Привлекает внимание переработка конечных *a, ä* в южной Карелии. Эта переработка следующая:

1. В двухсложных формах *a, ä* в одних случаях сохраняются, а в других испытывают замену: в ливвиковских диалектах (у Ладожского озера и в глубине Олонецкого перешейка) через *u, y*, а в людиковских диалектах (узкой полосой по восточному краю ливвиковских) в одних через *e*, а в других через *нуль*. Сохранение *a, ä* имеет место в том случае, если предшествующий слог краткий открытый, например: *ka'a* „рыба“, *sana* „слово“. Замена *a, ä* имеет место в иных случаях, например: *huabu (huabe, huab)* „осина“, *hongu (hong, hong)* „стройная сосна“, *viäry (viäre, viär)* „кривой“, *händy (hände, händ)* „хвост“.

2. В многосложных формах *a, ä* в одних случаях заменяются через *нуль*, а в других испытывают более сложную замену, сходную с той, о которой мы выше говорили: в ливвиковских диалектах через *u, y*, а в людиковских диалектах в одних через *e*, а в других через *нуль*. Замена *a, ä* через *нуль* имеет место в том случае, если предшествующий слог краткий открытый, например: *madal* „низкий“,

ikkun „окно“. Более сложная замена *a*, *ä* имеет место в иных случаях, например: *emändy* (*emände*, *emänd*) „хозяйка“, *harakku* (*harakke*, *harakk*) „сорока“.

Есть формы, где отпадения конечных гласных, вопреки данным выше указаниям, не происходит. Сюда относится, между прочим, главный инфинитив (*tulla* „прийти“ и т. п.), 2-е л. ед. ч. повелительного наклонения (*kaiva* „рой“ и т. п.), восполнительная форма при спрягаемом отрицании (*en kaiva* „не рою“ и т. п.).

В некоторых людиковских диалектах кроме *a*, *ä* отпадают и другие конечные гласные.

Несколько указаний о дифтонгах на *i*. В этих дифтонгах неслоговое *i* в разных диалектах и разных случаях может исчезать. В средней и северной Карелии в данном отношении нет особенных отличий от финского языка. Исчезновение *i* встречается, однако, несколько чаще. Пример спряжения в прошедшем времени: *annoin* „я дал“, *annoit* „ты дал“, *ando* „он дал“, *andoma* „мы дали“, *andoja* „вы дали“ (3-е л. множ. ч. стоит особо — *annettih*). В южной Карелии как у ливвиков, так и у людиков исчезновение *i* происходит совсем в других случаях. Поэтому часто *i* налицо там, где его нет в финском языке и в средней и северной Карелии, а с другой стороны, часто *i* отсутствует там, где оно есть в финском языке и в средней и северной Карелии. Закономерности исчезновения *i* в южной Карелии следующие:

1. Неслоговое *i* исчезло в конце четного (например, второго) слога перед начинающим последующий слог *z* (*ž*), например: *kuldazet* (*kuldažet*) „золотые“, *andazin* (*andažin*) „я дал бы“. Впрочем, благодаря воздействию форм с другим числом слогов эта картина местами осложнена.

2. Неслоговое *i* исчезло в любом слоге перед заканчивающимися этот слог *s* (*š*), например: *kuldastu* (*kuldaštu*) „(нет) золотого“, *kolmetosu* (*kolmetoštu*) „тринадцать“, *lašku* „ленивый“.

Гармония гласных в карельском языке поставлена так же, как и в финском. Только в людиковских диалектах наблюдаются разные ступени разрушения гармонии гласных.

В детали не входим.

Согласных в карельском языке гораздо больше, чем в финском. Под влиянием русского языка в карельском языке появилось широкое противопоставление глухих и звонких согласных, твердых и мягких, свистящих и шипящих. Только на севере Карелии задержалось противопоставление глухих и звонких. В этой обстановке состав основных карельских согласных (если отвлечься от задержки противопоставления глухих и звонких на севере) следующий:

Твердые — *h-g*, *k-j-d*, *t*, *z*, *s*, *ž*, *z*, — — — *n*, *l*, *r* — *b*, *p*, *v*, *m*

Мягкие — — — — — — — — — — *dz'*, *č'*, *n'*, *l'*, *r'* — — — — —

В заимствованных из русского языка словах употребляются и другие согласные.

Кроме кратких согласных есть и долгие.

Заднеязычный носовой согласный в карельском языке отдельной фонемы не составляет. Правда, *n* в положении перед *k* и *g* приобретает заднеязычный характер, но в этом случае перед нами только особый оттенок *n*, а не отдельная фонема.

Шипящие согласные и твердое *l* в разных карельских диалектах произносятся не совсем одинаково. В некоторых диалектах, особенно на юге Карелии, они произносятся так же, как в русском языке. В других диалектах они произносятся несколько иначе, в частности *l* — так же, как финское *l*.

Звонкие согласные во всех карельских диалектах, кроме северных, заменили соответствующие глухие в вполне определенных случаях: дело касается сильноступенных согласных в положении между звонкими звуками. Примеры: *regi* „сани“, *pada* „горшок“, *kod'i* „дом“, *kiza* (в средней Карелии) или *kiža* (в южной Карелии) „игра“, *kidž'u* „снеток“, *abu* „помощь“.

Мягкие согласные появились в разных карельских диалектах в разных случаях, и только *č* (*dž'*) одинаково мягко везде. Закономерности смягчения согласных следующие:

1. Во всех диалектах произошло смягчение *d, t, n, l, r* перед *i*, например: *kod'i* „дом“, *moit't'i* „порицать“, *pien'i* „малый“, *kiel'i* „язык“, *suur'i* или *šuur'i* „большой“. В начале слова в некоторых диалектах впрочем отсутствует смягчение *r* перед *i*. Кроме того, в средней и северной Карелии и кое-где в южной Карелии есть мягкие *z', s'* перед *i*, например: *vez'i* „вода“, *uks'i* „один“. В случаях, где имеется *iä* из *äa*, смягчения может не быть, например, *pidiä* „держать“; смягчение перед *i* происходило еще тогда, когда *äa* не успело перейти в *iä*.

2. В очень большом количестве диалектов, занимающих относительно восточное положение, произошло смягчение тех же согласных в начале слова перед всеми вообще передними гласными, например: *t'erva* „смола“, *n'ämä* „эти“, *l'yhyt* „короткий“.

3. В значительном количестве диалектов (в большинстве диалектов, занимающих относительно восточное положение) сверх того произошло смягчение тех же согласных в словах переднего вокализма, например: *hüd'ä* „нужда“, *keit't'äy* „варит“, *män'd'u* „сосна“, *sil'mä* или *šil'mä* „глаз“.

В людиковских диалектах есть также смягчение тех же согласных перед другими согласными, когда дальше следует *i*, например, *jal'miš* „готовый“.

В тех диалектах, где отпало конечное *i*, вызванное им смягчение согласных осталось, например, у части людиков мы находим *suol'* „кишка“ (из *suol'i*).

Немало случаев, где под влиянием тех форм слова, где согласный не смягчился, твердость согласных восстановилась и в тех формах, где согласный должен был смягчиться. Так, в ливвиковских диалектах, где смягчение согласных происходило только перед *i*, мы находим *lahtet* „заливы“ и под его влиянием *lahti* „залив“ (вместо *laht'i*).

Есть некоторые отклонения от указанного.

Особо следует указать, что сочетания *dj, nj, lj* заменились через *d'd', n'n', l'l'*, например: *sud'd'at* „судьи“, *min'n'at* „невестки“, *pal'l'as* или *pal'l'aš* „нагой“.

Шипящие согласные появились в разных карельских диалектах в разных случаях и только *č'* (или *dž'*), соответствующее финскому *ts*, имеет широчайшее распространение. По употреблению *ž* и *š* карельские диалекты разбиваются на три группы: с одной стороны, диалекты, охватывающие южную Карелию и Петровский район¹, кроме его северо-западного конца, с другой стороны, диалекты, охватывающие среднюю Карелию, начиная с Сегозерского р-на без юго-восточного его угла и всю северную Карелию, а с третьей стороны, немногочисленные „серединные“ диалекты — в юго-западном углу Петровского р-на (сел Гимолы и Лубосалма), в Медвежьегорском р-не

¹ Имеется в виду административное деление по районам по состоянию до 1.IX.1957 года. — *Ред.*

и в юго-восточном углу Сегозерского р-на. Различие между этими тремя группами диалектов заключается в следующем. В первой группе диалектов употребляются в основном свистящие *z* и *s*, а шипящие *ž* и *š* являются заменителями когда-то смягчившихся *z* и *s*. Во второй группе диалектов употребляются в основном шипящие *ž* и *š*, а свистящие *z* и *s* продолжают когда-то смягчившиеся *z* и *s* (теперь эти *z* и *s* могут быть и твердыми). В третьей группе диалектов шипящих совсем нет (исключая, конечно, русские заимствования) или они сохраняются только в отдельных случаях, причем в этих отдельных случаях отражают порядки второй группы диалектов. Не занимаясь больше третьей группой диалектов, сосредоточимся на первых двух.

В первой группе диалектов (южная Карелия и Петровский р-н без северо-западного угла) мы находим следующие случаи *z'*, *s'* > *ž*, *š*:

1. Во всех ливвиковских и людиковских диалектах, в собственно-карельских диалектах сел Койкары и Святнаволока, а также с. Юстозера, после *i*, например: *l'iža* „добавка“, *iškōu* „бьет, колет“, *lašku* (из *laišku*), *laiška* „ленивый“ и т. п. В некоторых из указанных диалектов есть ограничения указанной закономерности. Так, в большинстве ливвиковских диалектов шипящие не употребляются в конце слова, перед *t* и в некоторых других случаях.

2. В северных людиковских диалектах и в Петровском р-не перед *i*, например: *šil'm*, *šil'mä* „глаз“, *veži* „вода“.

Во второй группе диалектов (средняя Карелия, начиная с Сегозерского р-на без юго-восточного угла и вся северная Карелия) мы находим следующие случаи *z'*, *s'* или отвердевших *z*, *s*:

1. В южной части Сегозерского р-на без юго-восточного угла — в словах переднего вокализма, однако, не в их конце, например: *s'ien'i* „гриб“, *s'ebä* „передок саней“, *l'iz'ä* „добавок“, *kez'ä* „лето“, *is'kōu* „бьет, колет“, *kes'täy* „выносит, выдерживает“ (в противоположность *šana* „слово“, *važa* „теленка“, *aštui* „идет“).

2. Севернее — после *i*, например: *l'is'ä* „добавка“, *is'kōu* „бьет, колет“ (в противоположность не только *šana* „слово“, *važa* „теленка“, *aštui* „идет“, но и *kežä* „лето“, *keštäy* „выносит, выдерживает“). Местами есть ограничения указанной закономерности.

3. Повсеместно — перед *i* не-первых слогов, например: *vez'i* „вода“, *yks'i* „один“. Очень распространены различные ограничения этой закономерности.

4. Кое-где в начале слова перед *i* и другими передними гласными, например: *s'ilmä* „глаз“, *s'einä* „стена“.¹

Важной особенностью карельского языка является сохранение *h* как в конце слова, так и в середине, например: *veneh* „лодка“, *venehet* „лодки“ (мн. ч.). Во избежание недоразумений: не всем финским словам на *e* соответствуют карельские слова на *eh*; есть и карельские слова на *e*, например: *lähte* или *lähe* „родник, источник“.

Из прочих своеобразных карельских явлений следует указать на замену *j* через *d'* во всех положениях, кроме положения после гласного. Это явление встречается кое-где в относительно южных местах. Примеры: *d'ogi* „река“, *pohd'at* „донья“, *mar'd'at* „ягоды“.

¹ Подробнее см. в нашей статье „Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах“, Советское финноугроведение, I, Учен. зап. ЛГУ, серия востоковед. наук, вып. 2., Л., 1948, стр. 129—159.

Чередование ступеней согласных в карельском языке существенно отличается от финского. В собственно-карельском и ливвиковском наречиях оно поставлено по-разному: в ливвиковском наречии вне чередования согласных стоят все сочетания двух разных глухих согласных, то есть *hk, ht, tk, sk, šk, st, št*, в то время, как в собственно-карельском наречии эти сочетания чередованию ступеней согласных подчиняются. В людиковском наречии чередования ступеней согласных нет. В ливвиковском и собственно-карельском наречиях картина чередования ступеней согласных следующая:

1. а) Одинокое *d ~ нуль*, около огубленного гласного *~ v*, около *e* или *i ~ j* (или *нуль*), например: *jagua* „делить“, *juan* „делю“; *jogi* „река“, *jovet* „реки“; *regi* „сани (одни)“, *rejet, reet, riet, reit* „сани (многие)“. Есть особые случаи. В Сегозерском р-не без юго-восточного угла на слабой ступени выступает только *нуль*.

Одинокое *d* — то же самое, что в п. 1 (стр. 15), например: *pada* „горшок“, *puat* „горшки“; *mado* „змея“, *mavot* „змен“; *vedeh* „в воду“, *vejel'lä (vejel), veellä (veel), viel, veil* „водою“.

Одинокое *b ~ v*, например: *taba* „нрав, обычай“, множ. ч. *tavat*. В собственно-карельских диалектах, географически близких к людиковским, *b* во многих случаях оказывается вне чередования.

б) *g* после неслоговых *u, y ~ v* или (в относительно северных местах) *нуль*, например: *leuga* „подбородок“, множ. ч. *leuvat (levvat)* или *leuat*. В Сегозерском р-не без юго-восточного угла — *нуль*.

d после неслоговых *u, y ~ v*, например: *rauda* „железо“, множ. ч. *rauvat (ravvat)*. В Сегозерском р-не без юго-восточного угла — *нуль*.

в) *g* после неслогового *i ~ j* или (в относительно северных местах) *нуль*, например: *aiga* „время“, множ. ч. *aijat* или *aiat*. В Сегозерском р-не без юго-восточного угла — *нуль*.

г) *d* после неслогового *i ~ j*, например: *aida* „изгородь“, множ. ч. *aijat*. В Сегозерском р-не без юго-восточного угла — *нуль*.

д) *b* после неслогового *i ~ v*, например: *leibä*, множ. ч. *leivät*.

2. а) Собственно-карельское *hk ~ h*, например: *puuhkiu* „метёт“, *puuhin* „мету“. В именах *hk* часто оказывается вне чередования.

Собственно-карельское *ht ~ h*, например: *leht'i* „лист“, множ. ч. *lehet*.

б) Собственно-карельское *tk ~ t*, например: *pitkä* „длинный“, множ. ч. *pität*.

в) Собственно-карельское *sk, šk ~ ss, šš* или (в относительно северных местах) *z, ž*, например: *isköu* „колет, бьет“, *issen* или *izen* „колю, бью“; *laškou* „пускает“, *laššen* или *lažen* „пускаю“.

Собственно-карельское *st, št, ~ ss, šš*, например: *pistäu* „колет“, *pissän* „колю“; *laštu* „щепка“, множ. ч. *laššut*.

3. *lg ~ ll, rg ~ rr* или (в относительно северных местах) *l, r*, например: *algu* „начало“, *allušša (allus)* или *alušša* „в начале“; *kurgi* „журавль“, *kurret* или *kuret* „журавли“.

ld ~ ll, rd ~ rr, например: *peldo* „поле“, множ. ч. *pellot; parda* „борода“, множ. ч. *parrat*.

4. *ng* остается вне чередования, например: *langa* „нить“, множ. ч. *langat*.

nd ~ nn, например: *randa* „берег“, множ. ч. *rannat*.

mb ~ mm, например: *ramba* „хромой“, множ. ч. *rammat*.

5. *kk ~ k, tt ~ t, pp ~ p*, а также *č'č' ~ č'*, например: *akka* „старуха“, множ. ч. *akat*; *rotta* „крыса“, множ. ч. *rotat. appi* „тесть“, множ. ч. *apet*; *meč'č'ä* „лес“, множ. ч. *meč'ät*. В ливвиковском наречии сходное чередование имеют и другие долгие глухие согласные, например: *kassu* „коса (на голове)“, множ. ч. *kasat*.

Все эти указания требуют одного дополнения: в северной Карелии вместо *g, d, b, z, ž*, — глухие *k, t, p, s, š*.

Относительно ливвиковского наречия важно заметить, что сильная и слабая ступени согласных там употребляются не совсем так, как в финском языке и в собственно-карельском наречии. Есть два особых случая.

1. В положении между гласными второго и третьего слогов и более отдаленными гласными сочетания звонких согласных в ливвиковском наречии стоят вне чередования ступеней, например: *emändy* „хозяйка“, множ. ч. *emändät*; *vanhembí* „старший“, множ. ч. *vanhembat*.

2. В положении перед дифтонгом второго слога и более отдаленных слогов долгие глухие согласные выступают в слабой ступени, например: *veikoi* (при *veikki*) „братец“, *katoi* „покрыл“, *tapoi* „убил“, *kaš'oi* „смотрел“.

В детали не входим.

Ударение в карельском языке не отличается от финского.

Глава III

К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ В ДЕЛЕ УСВОЕНИЯ ПРОИЗНОШЕНИЯ

Усвоение русской фонетической системы со стороны финнов представляет целый ряд трудностей.

В области гласных трудности еще не очень значительные. Ново для финна *ы* в положении твердых согласных, и финн с ним справляется не скоро.

Кроме того, нова для финна система замены гласных в неудараемом положении. Собственно говоря, произношение гласных в неудараемом положении не трудно, трудна именно система замен, создающая расхождения между грамматикой и произношением.

В области согласных трудности громадные. Дело не только в усвоении русских звуков, финскому языку не известных, но и в усвоении целых категорий звуков.

Финну приходится усваивать целую категорию звонких согласных, соответствующих глухим. Правда, *d* в литературном финском языке существует, но оно употребляется только в середине слова. Употреблять его в начале слова финн не привык. Что касается *g, b* и т. д., то они в литературном финском языке вообще не существуют. Правда, в заимствованных словах они пишутся, например: *geologia, biologia*. Но финны редко умеют их правильно произносить.

Далее, финну приходится усваивать целую категорию мягких согласных. Если не говорить о *j*, то в литературном финском языке нет ни одного мягкого согласного.

Затем, финну приходится усваивать целую категорию шипящих согласных, противостоящую категории свистящих согласных. Мы знаем, что финское *s* шепеляво. У некоторых оно шепеляво настолько, что приближается к *ш*. Но для финского языка это отнюдь не создает противостояния категории шипящих согласных категории свистящих, которых в данном языке нет. Такое противостояние в русском языке финну приходится усваивать как совершенно новое явление. Правда, в заимствованных словах *š* (*ш*) пишется. Но финны редко умеют это *š* правильно произносить.

Наконец, финну приходится усваивать целую категорию аффрикат, сложных согласных (*ц, ч'*). В литературном финском языке аффрикат нет; *ts* в произношении финна отнюдь не аффриката.

Добавим, что финну приходится усваивать и некоторые отдельные согласные. В первую очередь тут надо назвать *x* и *f*. Но эти согласные (заднеязычные) отнюдь не совпадают с финским *h* (фарингальным).

В конце концов из 35 русских согласных финна не затрудняют только 10: *к, й, т, с* (если отвлечься от того, что финское *s* обычно выступает как шепелявое), *н, л* (если отвлечься от особенностей финского *l*), *р, п, в, м*.

В области ударения никаких особых трудностей для финна нет. Новостью для него является только подвижный характер русского ударения.

Трудности облегчаются для финна в том случае, если он хорошо владеет шведским или английским языком.

Методисты должны обратить исключительное внимание на обучение финнов правильному русскому произношению. По-видимому, прибегать надо не столько к теоретическим указаниям, сколько к упорной, систематической, целесообразно поставленной, хорошо разъясняемой практике. Успех не может быть быстрым. Во всяком случае не-русский "акцент" у финна, если он не имеет особых способностей к усвоению иноязычного произношения, неизбежно будет сохраняться довольно долго.

* * *

Усвоение русской фонетической системы со стороны карел представляет несравненно меньше трудностей, чем со стороны финнов: фонетика карельского языка сблизилась с русской. Все же с трудностями в усвоении русского произношения считаться приходится.

Карел в области гласных встречается с теми же трудностями, что и финн. Надо, однако, сказать, что в карельский язык входят некоторые русские заимствования с *ы*, после твердых согласных, и большинство карел уже приучилось правильно его произносить.

В области же согласных, в противоположность финну, карел встречается с очень немногими трудностями.

Ни с какими новыми категориями согласных карелу, изучающему русский язык, не приходится встречаться — карельский язык давно усвоил русские категории согласных. В особом положении находятся только северные карелы: им приходится заново усваивать категорию звонких согласных, соответствующих глухим.

Есть одна категория согласных, которую карелу приходится, так сказать, дорабатывать. Это категория мягких согласных. В карельском языке из мягких известны, кроме *j*, только переднеязычные. Между тем, в русском языке есть также мягкие заднеязычные (*г', к', х'*) и мягкие губные (*б', п', в', ф', м'*), причем последние играют весьма важную роль (*м'иб'а* "тебя", *п'ятка* "пятка", *в'ал'ый* "вялый", *граф'ат* "графят", *м'иса* "мясо" и т. п.). Надо, однако, сказать, что в карельский язык входят многие заимствования по крайней мере с мягкими губными, и большинство карел уже приучилось произносить их правильно. Поскольку категория мягких согласных, хотя и не до конца развитая, в карельском языке есть, овладение этой категорией во всей полноте существенно облегчено. Как известно, для карела трудности в овладении мягкими губными

невелики. Это видно из того, что карел, вообще говоря, обращается прямо к мягким губным, не прибегая к подстановке вместо них сочетаний твердой губной + *й* (т. е. не прибегая к произношению *т'ибйа*, *пйátка* и т. п.). Финн на первых порах прибегает всегда к такой подстановке.

Отдельные русские согласные в карельском языке отсутствуют. Так, в карельском языке нет *ц*. Однако заимствования с *ц* входят в карельский язык и большинство карел произносит его правильно. Усвоение его дается легко, так как категория аффрикат в карельском языке существует. Никогда не бывает так, чтобы карел подставлял *тс* вместо *ц*. Кроме того, в карельском языке отсутствуют *х* и *ф*. Но они через русские заимствования усваиваются без большого труда.

Необходимо указать, что некоторые русские согласные имеют несколько иной оттенок, чем соответствующие карельские. Так карельские *ж* и *ш* во многих диалектах несколько иные, чем русские. В некоторых диалектах средней Карелии *щ'* обладает минимумом шипящести, приближаясь к *ц'*. Во многих диалектах *л* несколько иное, чем русское. В овладении русскими оттенками этих согласных лежат, пожалуй, наибольшие трудности для карел. Чтобы не было неясностей, необходимо подчеркнуть, что дело касается не всех карел: в некоторых диалектах (особенно в южной Карелии) оттенки перечисленных согласных те же, что в русском языке.

В области ударения никаких особых трудностей для карела, как и для финна, нет.

Методистам намного легче обучать правильному русскому произношению карел, нежели финнов, хотя ни в коем случае не следует преуменьшать и трудности. Значительно сложнее дело обстоит при обучении русскому языку северных карел, которым, как и финнам, чужды звонкие согласные, имеющиеся в других карельских наречиях параллельно с глухими согласными. К проблеме обучения карел правильному русскому произношению необходимо отнестись с величайшим вниманием.

* * *

Усвоение финской фонетической системы со стороны карел дается без особенного труда, особенно в области согласных.

Карелу, изучающему финский язык, усвоение финских долгих гласных также не представляет большого труда. Есть диалекты (например, по р. Видлице), где все финские долгие гласные налицо.

В области согласных карел, изучающий финский язык, находится в весьма своеобразном положении. Решительно все финские согласные в карельском языке есть. Вместе с тем в карельском языке есть много согласных, неизвестных финскому языку. В связи с этим карелу при изучении финского языка приходится подставлять вместо целых групп своих согласных один согласный: вместо *g, k* — только *k*, вместо *d, d', t, t'* — только *t*, вместо *z, z', s, s', ž, š* (шести согласных!) — только *s*, вместо *n, n'* — только *n*, вместо *l, l'* — только *l*, вместо *r, r'* — только *r*, вместо *b, p* — только *p*. Вместо *č' (č'č')* и *dž'* карелу приходится подставлять сочетание *ts*. Северному карелу приходится в меньшей мере прибегать к подстановкам, так как в его речи нет звонких согласных, соответствующих глухим. Привычка подставлять дается карелу не сразу. Особенно упорно держится употребление мягких согласных. Даже карел, весьма

преуспевший в изучении финского языка, склонен произносить *s'inä* „ты“, *on'n'i* „счастье“, *n'ietä* „мысль“, *mal'l'i* „образец“ и т. п. (но-фински тут мягкости нет).

Карелу нелегко овладеть финской системой чередования ступеней согласных. Особенно трудно приходится карелу-людю, речь которого не знает чередования ступеней согласных. Но трудности существуют и для любого другого карела, так как карельская система чередования согласных вообще не совпадает с финской. Особенно трудно карелу усвоить финское чередование *t* с *d*.

У карела на месте этого чередования чередование *d* с нулем, *v* или *j*. Можно заметить, что там, где у финна *t*, у карела *d*, а там, где у финна *d*, у карела нуль, *v*, *j*. Финское *d* никогда не совпадает с карельским *d*. Сравните: финск. *pata* „горшок“, множ. ч. *padat* при карельск. *pada*, множ. ч. *puat*; финск. *mato* „червь“, множ. ч. *madot* при карельск. *mado* „змея“, множ. ч. *mavot*; финск. *aita* „изгородь“, множ. ч. *aidat* при карельск. *aida*, множ. ч. *aijat*. На особом положении оказываются только северные карелы. В соответствии с финским *t* у них оказывается *t*, следовательно, сильная ступень в данном случае их не затрудняет. Но в соответствии с финским *d* у них оказывается нуль, *v*, *j*. Следовательно, на слабой ступени приходится заменять нуль, *v*, *j* через *d*, а согласного *d* в северно-карельской речи нет. Возникает трудность произношения.

В области ударения карельский язык не отличается от финского; следовательно, финскому ударению карелу не приходится обучаться.

Методистам надо проработать проблему обучения карел правильному финскому произношению очень внимательно. Особенное внимание необходимо обратить на чередование ступеней согласных.